

к выводам, близким к тем, которые сделаны З. Можейко² на основе изучения песенной культуры Белорусского Полесья — о возрастной циклизации традиционного фольклора, и в связи с этим о его гораздо большей жизнеспособности, чем думали несколько десятилетий назад.

Нам кажется, что при рассмотрении народного репертуара С. И. Дмитриевой следовало бы больше внимания уделить художественному качеству записанного материала, а не ограничиваться только констатацией бытования того или иного материала. Вызывает сожаление, что в статье совсем нет сведений о наиболее интересных народных певцах, с которыми членам экспедиции пришлось встречаться.

В статье Г. А. Носовой собран большой материал о тех жанрах традиционного фольклора, в которых еще сохранились пережитки древних обрядов и религиозных представлений. Культурная и историческая ценность этого материала огромна. Так, по описанию обряда проводов весны с инсценировкой погребальной процессии, пародирующей церковный похоронный обряд, мы знакомимся с древней народной смеховой культурой Руси, с явлением, известным разным народам — с тем, что М. М. Бахтин назвал амбивалентным карнавальным смехом: «он веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает»³. Г. А. Носова подчеркивает, что произведения обрядового фольклора относятся к «затухающим и умирающим» жанрам. Тем более надо торопиться со сбором подобного материала и всячески приветствовать эту работу.

Вместе с тем нельзя удержаться от некоторых упреков в адрес автора, называющего антирелигиозными антиклерикальные частушки, высмеивающие церковнослужителей. Ведь критика блудливого попа, попа-пьяницы, веселого попа еще не является отрицанием бога. Мы не видим никаких антирелигиозных моментов в частушке:

У попа была кадила,
Семь пудов угля спалила.
Поп кадилой часто машет,
Попадья впрысдаку пляшет.

Это смешно, это неуважительно по отношению к попу и попадье, но до безбожия, антирелигиозности здесь еще очень далеко. В таком серьезном исследовании, каким является весь этот коллективный труд и настоящая статья, в частности в вопросах воинствующего научного атеизма, не следует подменять научность воинственностью.

Статья Б. И. Рабиновича, посвященная изучению народной музыкальной культуры Владимирщины, замечательно контактирует со всем предыдущим материалом.

Необходимо отдельно отметить работу научного редактора и составителя Э. В. Померанцевой. Книга представляет собой не просто сборник статей, а коллективный научный труд, авторы которого с разных сторон и под различным углом зрения рассматривают художественную культуру современного села. Все статьи объединяет, с одной стороны, высокая культура научного труда, а с другой — глубокая заинтересованность современника, который не может оставаться равнодушным наблюдателем тех процессов, которые происходят в сегодняшней деревне.

² З. Можейко, Песенная культура Белорусского Полесья, Село Тонез, Минск, 1971.

³ М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле, М., 1965, стр. 15.

В. Г. Смолицкий

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Д. Ангелов. *Образуване на българската народност*. София, 1971, 415 стр.

Книга Д. Ангелова, посвященная проблеме образования болгарской народности, основана на обширном материале источников. Сюда относятся письменные памятники на греческом, латинском, старославянском, восточных языках (документы, хроники, жития, надписи и т. п.), археологические материалы, лингвистические и этнографические данные. Нет нужды повторять, как сложно использование памятников столь многообразных, — укажу хотя бы на то, что византийские авторы, важнейшие свидетели ранней истории Болгарии, употребляли этнонимы весьма нестрого, и, в частности, они прилагали к болгарам такие архаичные племенные названия, как скифы, мисийцы, пеоны и т. п. Самое собиране сведений о болгарях должно было составить немалый труд, ибо они рассеяны в многообразных памятниках; правда, Ангелов мог опереться на ряд трудов и прежде всего на подготовленную Болгарской Академией наук многотомную

серию «Извори за българската история», где собраны, переведены и откомментированы латинские, греческие, восточные источники, касавшиеся болгарской истории.

Поимно историко-экономической трудности перед исследователем проблемы стояли также трудности методологического характера. Вводная часть книги Ангелова как раз и рассматривает методологический аспект проблемы.

Народность, по формулировке Ангелова, есть особый вид этнической общности, возникающий «на определенной ступени развития человеческого общества», «при определенных общественно-экономических отношениях, в условиях данной формы социального организма» (стр. 16). Но какова эта «определенная ступень», «определенные отношения», «данная форма»? Ангелов сразу же оговаривается, что развитие этнических общностей имеет собственные закономерности и что невозможно установить точное соответствие между сменой общественно-экономических формаций и возникновением нового типа этнических общностей. Но эта мысль, мне кажется, подрывает цитированную выше формулировку относительно «определенной ступени», лишает ее конкретно-содержания, делает неопределенной.

Однако Ангелов говорит далее, что народности возникают и развиваются преимущественно в эпохи античности и средневековья (стр. 16 и сл., ср. стр. 19, где говорится об их возникновении, главным образом, в эпоху феодализма) и еще более точно: «Народность формируется в результате разложения общинно-родовых отношений» (стр. 37). Если это так, то можно говорить о том, что процесс становления народности совпадает в общих чертах с процессом образования классового общества.

Не пытаюсь решить этот вопрос в рецензии, я хотел бы только внести в него некоторое уточнение. По всей видимости, мы должны различать формирование народности и формирование народностей. Первый феномен имеет социальное значение и связан с установлением этнической общности нового типа (от племени к народности), второй же — результат политических сдвигов, в ходе которых из наличных народностей образуется новая народность.

Методологическая сложность, связанная с проблемой становления народности, находит свое отражение и в трактовке развития языка. Племенной изолированности в первобытном обществе соответствуют, по мысли Ангелова, и диалектные различия в рамках общего языка (стр. 18), но на стр. 104 Ангелов признает наличие «общего славянского языка» задолго до формирования славянской народности — во всяком случае до формирования народности болгарской. Иными словами, по-видимому, процесс языкового развития не был однозначным, но включал в себя как интегрирование, так и дробление. Следовательно, общий язык мог сложиться еще до формирования народности.

После методологических замечаний Ангелов переходит к конкретной истории становления болгарской народности. Она создалась из трех элементов: фракийского, славянского и протоболгарского. Характеристике этих этнических общностей и посвящены первые две главы книги. Ангелов детально описывает социально-экономическую и политическую структуру фракийского, южнославянского и протоболгарского обществ, их политическую судьбу вплоть до того момента, когда протоболгары вторглись в северные области Балканского полуострова и в 681 г. возникло Болгарское государство (стр. 47—211). Автор представляет исторические процессы в их сложности и многообразии. Так, он прослеживает различия в степени обезлюдения балканских областей к VI—VII вв.; по его наблюдениям, северо-западные области нынешней Болгарии и Фракия сохранили больше старого населения, нежели северо-восточные болгарские земли, области Ниша и Сердики и бассейна реки Струма (стр. 171—176). Ангелов отмечает, что вторжение протоболгар осуществлялось в нескольких направлениях и наряду с дружиной Аспаруха, осевшей в так называемом Углу (стр. 198), к югу от Дуная расселились также и паннонские протоболгары, возглавляемые Кувером (стр. 206 и сл.), — этого вождя Ангелов отличает от жившего лет на 50 раньше Куврата.

Мне кажется, однако, что при этом в тени остается важный теоретический вопрос о характере этнических общностей, из которых складывалась болгарская народность. В самом деле, вправе ли мы говорить (применительно к VI и VII вв.) о фракийских, протоболгарских, славянских племенах или же они сплотились уже в народности? Ангелов неоднократно подчеркивает племенную раздробленность южных славян (см. особенно стр. 158—162), но правомерно ли говорить о племенном устройстве фракийцев, создавших уже свои «царства», прошедших к тому же через горнило римского владычества с его унифицирующими тенденциями? Можно ли говорить о племенном устройстве протоболгар, изживших благодаря кочевому скотоводству довольно рано племенную изолированность и имевших за спиной период так называемой Великой Болгарии? Не предлагая здесь определенного решения проблемы, хочу только отметить, что она заслуживает рассмотрения.

Если процесс ассимиляции фракийцев славянами завершился сравнительно рано, к VII в. (и только в особых условиях сохранились элементы романо-фракийского этноса), то слияние протоболгар со славянами затянулось до конца IX в. Этому процессу Ангелов справедливо отводит в книге центральное место (стр. 215—347). Рассмотрение разделено на два этапа: до середины IX в. протекала своего рода подготовительная стадия этногенеза болгар; здесь, на мой взгляд, особенно интересно привлечение нового археологического материала, рисующего «двуэтнические», славяно-протоболгарские

поселения (стр. 231—235), в которых слияние двух этнических общностей делало первые шаги.

Во второй половине IX в. принятие христианства, победа славянского языка и внедрение славянской письменности завершают процесс унификации: протоболгары и славяне сливаются в единую народность, в особый этнический тип с отчетливым этническим самосознанием.

Наиболее оригинальной в этом разделе мне представляется часть, трактующая историю имени «Болгария» (и соответственно этноним «болгары»). С середины IX в. все подданные Болгарского государства (как славяне, так и протоболгары) именуется в греческих и латинских источниках «болгарами», тогда как этноним «славяне» сохраняется за населением областей, лежавших вне Болгарии (стр. 317—326). В славянской же литературе конца IX и начала X в. оба этнонима употребляются равноправно, что должно было, по мысли Ангелова (стр. 330), подчеркнуть славянский характер болгарской народности. Во второй половине X и в XI в. название «болгары» постепенно вытесняет этноним «славяне» (стр. 335).

Едва процесс болгарского этногенеза завершился, как болгарская народность оказалась перед серьезным испытанием: в 1018 г. Болгария попала под власть Византийской империи. Периоду «византийского ига» посвящена заключительная глава книги. Основная задача, стоявшая в эту пору перед болгарской народностью, заключалась в сохранении себя в условиях эллинизации или, точнее, «византинизации» Болгарии, и именно этой задаче посвящает основное внимание Ангелов. Он показывает, как в ряде болгарских агиографических и апокрифических сочинений XI—XII вв. нашло свое выражение самосознание народности и ее «историческая память», что в средневековых условиях вело к выработке идеи «избранного богом народа», а также к развитию тезиса о принадлежности болгар к славянскому миру (стр. 351—360). Термины «Болгария» и «болгары» продолжали широко применяться в XI—XII вв. как в славяноязычной литературе, так и у писателей греческих и латинских (стр. 370—378). Болгарская народность сохранила себя в трудных условиях «византийского ига», вопреки унифицирующему воздействию государственного аппарата империи и идеологии православной церкви.

Однако этногенетические процессы в Болгарии XI—XII вв., по-видимому, не могут быть сведены только к самосохранению, к негативной реакции на «византизацию». Ангелов показывает, что болгарское население распространяется в это время на юг от собственно болгарских фем — в албанские области по Адриатике, в Халкидику, Эпир, Фессалию (стр. 360—369). Можно было бы сказать больше: болгарский этнический элемент участвовал в XI—XII вв. в формировании византийской народности, во всяком случае в составе господствующего класса Византийской империи прослеживается ряд болгарских фамилий, начиная от Аарониев, которые были связаны браками со знатнейшими греческими родами.

Вместе с тем на территории самих болгарских фем болгарская народность соприкасалась с новыми этническими элементами. Одни из них, степняки (печенеги, торки, половцы), по-видимому, быстро растворялись в болгарской среде, другие, прежде всего, армяне, сохраняли свою этническую обособленность. Особенно сложен в этой связи вопрос о соотношении болгар и владов. Проблема состоит в том, что некоторые византийские авторы (например, Никита Хониат) прилагают этникон «влахы», по всей видимости, к болгарскому этносу. Чем могло быть вызвано такое смещение? Безразличием византийцев к этнической терминологии или же бытовой и языковой близостью болгар и владов в XII в.? Вопрос этот заслуживает внимания.

Книга Ангелова содержит обширный материал, тщательно отобранный и убедительно истолкованный. Отличные карты облегчают пользование книгой. Кое-где, впрочем, встречаются досадные опечатки и оговорки. Например, на стр. 83 назван император Галлен — речь идет на самом деле о Галерии. На стр. 318 «Клиторологий» Филофея датирован 889 г. — надо 899. На стр. 336 понтификат папы Иоанна XIII датирован 967—999 гг. — в действительности 965—972.

А. П. Каждан

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Гуру Нанак (К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии). М., 1972, 198 стр.

В 1969 г. не только в Индии, но и во всех странах, где есть сколько-нибудь крупная община сикхов или панджабцев вообще, торжественно отмечалось пятистолетие со дня рождения выдающегося мыслителя, просветителя, поэта и основателя религиозной системы сикхизма — гуру Нанака (1469—1539) (гуру — религиозный наставник, учитель). Во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, юбилей Нанака был